

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223

EDN: QEKZOB

Социальные технологии в социологическом и «несоциологическом» измерении*

В.П. Бабинцев

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

(e-mail: babintsev@bsuedu.ru)

Аннотация. В статье обосновывается наличие исторической и логической связи между социологией и теорией социальных технологий: в современных условиях констатации ее наличия недостаточно для понимания содержания и всей сложности взаимоотношений этих отраслей социально-гуманитарного знания. Реализующиеся в гибридной среде процессы цифровизации обуславливают необходимость рассматривать социальные технологии в качестве сложно структурированного комплекса алгоритмически выстроенных, синхронизированных «физических», социальных и информационно-коммуникационных (цифровых) процедур и операций, разработанных и используемых для оптимизации общественных процессов. Автор подчеркивает, что традиционное восприятие социальных технологий только как специальной области социального знания ограничивает возможности их применения и перевода на уровень социальной инженерии, однако разработчикам идеи социальной архитектуры пока не удалось преодолеть недостатки анализа социальных технологий в социологическом измерении.

Ключевые слова: социология; социальная технология; социальная инженерия; социальная архитектура; цифровизация; гибридная реальность; конвергентные технологии

Для цитирования: Бабинцев В.П. Социальные технологии в социологическом и «несоциологическом» измерении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 1. С. 215–223. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223> EDN: QEKZOB

К началу 1990-х годов в научном сообществе России, по меньшей мере в его социально-гуманитарном сегменте, утвердилось представление о социальных технологиях как о «специально организованной области знаний о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов». Такое определение представлено в монографии Л.Я. Дятченко «Социальные технологии в управлении общественными процесса-

*© Бабинцев В.П., 2026

Статья поступила в редакцию 16.12.2025. Статья принята к публикации 30.01.2026.

ми» [3. С. 52], которая постоянно цитируется исследователями и с полным основанием может быть отнесена к числу классических работ по рассматриваемой тематике. Правда, за три года до ее издания диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук по теме «Разработка и внедрение социальных технологий в производственном коллективе» защитил Г.Д. Никредин [7], но эта работа, как и публикации А.К. Зайцева [4] и И.Ф. Девятко [2], не стала столь же популярной среди исследователей. Анализируя проблематику социальных технологий, названные авторы и их тогда еще немногочисленные единомышленники [1; 5] хотя и обращались к идеям К. Поппера и К. Мангейма, с исследованиями которых обычно связывают формирование социально-технологического подхода в изучении общества, но ориентировались преимущественно на переведенные на русский язык работы болгарских авторов Н. Маркова [6] и М. Стефанова [10], вероятно, в силу их большей доступности.

Поскольку ко времени проявления интереса к возможностям социальных технологий социология в СССР получила институциональное закрепление (в частности, были созданы исследовательские центры, а в 1988 году социология обрела статус научной специальности), изучение социальных технологий стало одним из направлений социологической науки. Это было вполне естественно с точки зрения содержания теории социальных технологий, ориентированной в первую очередь на разработку процедур управления общественными процессами. Когда Л.Я. Дятченко характеризовал социальные технологии как специально организованную область знаний, то, будучи доктором социологических наук, явно подразумевал социологические знания.

Органическая связь социальных технологий и социологии признается абсолютным большинством работающих в данном направлении авторов, и нет оснований для ее отрицания, хотя понятие «технологии» сегодня широко используется представителями самых разных отраслей социально-гуманитарного знания (политологии, культурологии, социального менеджмента и др.). Однако динамичность общественного развития, с одной стороны, и усложнение социальных практик, с другой, создают предпосылки для уточнения характера этой связи, возможной корректировки понятийного аппарата и формулировки рекомендаций по практическому применению социальных технологий. Последнее направление особенно важно, потому что в настоящее время наблюдается очередной виток интереса к социальным технологиям со стороны российской административно-политической элиты.

Ее представители привнесли в публичный дискурс идею формирования нового направления государственной политики — социальной архитектуры, включающей, помимо других новаций, предложение об институционализации новой профессии — социальный архитектор [9]. Инициатива нововведений принадлежит Администрации Президента: первый заместитель

ее руководителя С.В. Кириенко заявил, что «социальная архитектура — это не просто новое направление. Это профессия, способная превращать общественные запросы в работающие решения. И ее появление — важный шаг вперед» [9]. Другой высокопоставленный чиновник А.Д. Харичев дает следующее определение: «Социальная архитектура — это целенаправленная деятельность по проектированию и организации общественно значимых изменений, объединяющая стратегическое видение будущего, масштабные инициативы и конкретные практики в единую систему, направленную на развитие новых социальных систем» [12].

Если не принимать в расчет вполне понятную декларативность заявлений государственных служащих, то предлагаемое направление политики с полным основанием может быть определено как практическое применение социальных технологий в управлении. Реализация этого направления, если дело не будет сведено к очередной имитации, потребует значительных институциональных изменений. Так, очевидно, что появление новой профессии должно быть обеспечено новым направлением в профессиональном образовании и условиями для трудоустройства выпускников.

Решение возникающих в связи реализацией идеи социальной архитектуры проблем, несомненно, относится к компетенции государственных и муниципальных органов управления, однако полученные при его реализации результаты могут и должны быть прогнозируемы, чтобы снизить риски и оптимизировать процесс. Очевидно и то, что прогнозирование может быть достоверным лишь при опоре на научный анализ широкого комплекса обстоятельств применения социальных технологий, в какой бы форме (социальной архитектуры, социальной инженерии или социального проектирования) они ни выступали. Множество «имен» не должны вводить в заблуждение — речь, как правило, идет об одном и том же социально-технологическом процессе, результативность которого во многом зависит от понимания субъектами социального действия отношений и связей, возникающих между его элементами, а также между ними и внешней средой.

Недостаточное исследование этих компонентов — один из факторов, обесценивших потенциал социально-технологических исследований, начатых в России в конце прошлого века (пусть и не главный фактор). Если рассматривать необходимые условия, позволяющие результативно применять социальные технологии, то следует, наряду с теоретико-методологической обоснованностью, учесть обстоятельства социально-политического и праксеологического характера. Первые связаны с тем, что развитие социальных технологий стимулируется заинтересованностью истеблишмента в новых практиках оптимизации общественных процессов. У его наиболее «продвинутых» представителей должна сформироваться интенция к обновлению социальных технологий, которая будет усиливаться по мере осознания необходимости обновления социальной системы, стимулируя поиск его наи-

более результативных способов. Разумеется, социальные технологии разрабатываются и применяются не только в периоды трансформаций общества, но в стабильном социуме они воспринимаются как рутинные практики — интерес к ним формально сохраняется, но не служит источником активного научного и практического поиска. В России стагнация процесса теоретического осмысления социальных технологий проявлялась по мере стабилизации общественной системы в начале 2000-х годов.

Примечательно, что проблему социальных технологий в последнее время более или менее регулярно обсуждали на конференциях и преподавали во многих вузах — создавались соответствующие кафедры, часто в единстве с кафедрами социологии, выпускались учебники. Но практически не встречаются монографические работы, в которых формулировались бы фундаментальные идеи (исключение — книга В.В. Щербина «Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии» [13]). Несколько лет назад Щербина имел все основания утверждать: «К числу немногих конвенционально согласованных представлений о феномене социальных технологий сегодня можно отнести следующие: а) большинство связывают представление о них с решением практических задач социальной сферы; б) социальные технологии относят к числу инструментальных средств, включающих в себя набор норм, предписаний и запретов, в совокупности выступающих в качестве поведенческих или деятельностных стандартов, задающих порядок и содержание действий людей в привязке к решаемой задаче или социальному процессу; в) свойства социальных технологий выводятся из содержания двух составляющих — термина «технология» (хотя представления о свойствах технологии в разных авторских концепциях отличаются) и термина «социальность»; г.) указывают на то, что любой из их типов применим к ограниченному перечню сфер и конкретному типу практических задач, решаемых в рамках социальной жизни (хотя обоснование ее специфики сегодня является проблемой)» [14. С. 117].

Ситуация практически не изменилась и в настоящее время, что порождает противоречие между наличием у обладающих перспективным мышлением представителей элиты намерения обновить арсенал способов управления и ограниченностью сформулированных наукой предложений относительно использования новых технологий. Неразрешенность противоречия и недостаточная готовность ученых (прежде всего социологов) к его преодолению заставляет управленцев принимать меры на основе здравого смысла и интуиции.

Праксеологические условия активной разработки и внедрения социальных технологий связаны с изменением их структуры и масштабов применения. В стабильном социуме акцент обычно делается на традиционных практиках, что и было присуще отечественной системе управления в период, который можно определить как «додигитальный». Но цифровизация резко

изменила ситуацию, породив вызов «самой сущности социального» [15. С. 8]. Частью этого вызова стал вызов для теории социальных технологий — требование объяснить, как соотносятся традиционные и новые (цифровые) практики оптимизации общественных процессов. Исчерпывающее объяснение здесь вряд ли можно получить — как правило, исследователи ограничиваются определением социальных технологий как особой области социального знания. Сформировавшаяся в процессе цифровизации гибридная, «смешанная объективно-виртуальная реальность» имеет «синтезированный характер» и ведет к так называемой НБИКС-конвергенции, которая, в частности, проявляется во взаимодействии и взаимопроникновении нано-, био-, инфо-, когнитивных и социальных технологий, т.е. в формировании технологий принципиально нового класса, которые можно определить как конвергентные.

Описать и интерпретировать содержание этих технологий только в понятиях социологии невозможно — требуется междисциплинарный подход и комплексные исследования с привлечением специалистов в области техники и естествознания. Подобные исследования только предстоит провести, но уже сегодня можно предположить, что они существенно скорректируют понимание социальной технологии как сложно структурированного комплекса алгоритмически выстроенных, синхронизированных «физических», социальных и информационно-коммуникационных (цифровых) процедур и операций, разработанных и используемых для оптимизации общественных процессов.

Применительно к идее социальной архитектуры это означает, что ее практическая реализация не может ограничиваться изменениями социальных параметров жизнедеятельности людей, но должна предполагать коррекцию метаболизма СБТ-систем, внедрение в жизнь искусственного интеллекта и коррекцию психофизиологических параметров человека. Все эти процессы отличаются высокой рискогенностью и предполагают постепенное и крайне осторожное включение регулирующих их механизмов, что актуализирует вопрос о социальной инженерии. Инициаторы идеи социальной архитектуры негативно к ней относятся: «социальная архитектура — это новое профессиональное направление, которое появилось в России сравнительно недавно. Оно опирается на успешные практики из разных сфер, в том числе и на политические технологии. В связи с этим социальную архитектуру иногда ошибочно называют “переродившейся” социальной инженерией» [12].

Вполне понятно и объяснимо стремление авторов идеи социальной архитектуры подчеркнуть новизну своего подхода, его адекватность отечественным практикам проектирования и отсутствие преемственности с традицией социальной инженерии, разрыв с которой в данном контексте выглядит достоинством. Однако неясно, чем определяется столь решительная демаркация. Безусловно, попытки практического применения социальной инже-

рии далеко не всегда были успешными, но эта концепция не содержит логических противоречий и дополняет теорию социальных технологий в версии Поппера, разрабатывавшего ее в противовес тем «утопическим» подходам к преобразованию общества, наиболее характерным из которых он считал марксизм. Разъясняя свою позицию, Поппер проводил аналогии с физикой: «Поэлементная социальная инженерия похожа на физическую инженерию... Подобно тому, как основной задачей инженера-физика является проектирование, усовершенствование и эксплуатация машин, задача социального инженера состоит в проектировании и реконструкции социальных институтов, а также в управлении ими» [8. С. 76].

Поппер применял понятие «технология» как удачное определение для теоретического аспекта рассматриваемых практических изменений. Для описания практики он использовал термин «инженерия», отмечая: «Несмотря на неприятные ассоциации, связанные с термином “инженерия”, я буду использовать его для описания практического применения результатов поэлементной технологии» [8. С. 75]. Установление связи между понятиями «инженерия» и «технология» было вполне понятным в рамках общей логики попперовского антимарксизма. Критикуя К. Маркса, он должен был «играть на его поле», поскольку создатель «научного коммунизма» стремился не только сформулировать законы общественного развития, но и показать, как можно и нужно менять мир, поменяв «оружие критики» на «критику оружием». Однако изначально соединение теории и практики в попперовской концепции имело латентное негативное следствие — позволяло последователям Поппера использовать рассматриваемые понятия как тождественные, что и сегодня создает определенные трудности для исследователей и практиков, работающих в рамках традиционной социологической парадигмы.

Интерпретация социальных технологий исключительно в социологическом измерении позволяет специалистам в этой сфере ограничить свою деятельность в лучшем случае определением выявленных проблем и формулировкой некоторых общих рекомендаций по их решению. В рамках последовательности управленческих действий «изучение, диагноз, решение и действие» (социологический подход) не прямо, но косвенно оправдывается завершение технологизации этапом «диагноза», что выносит задачу «решения и действия» за пределы исследовательского цикла. Именно так до последнего времени обстояло дело в России: социальный инженер как продолжатель работы технолога (социолога), системно с ним взаимодействующий, отсутствовал, поэтому идея социальной инженерии носила спекулятивный характер. «Социальная инженерия — это поле социологического знания. Но социологи чаще говорят на языке общей и отраслевых (специальных) социологических теорий, что снижает интерес практиков-управленцев к социологии. А преобразовательная составляющая социологии — социальная

инженерия, как наиболее сложная, требующая создания “рецептов” организации эффективного управления, остается мало разработанной» [11. С. 87].

Судя по всему, реализация интеллектуально-административного продукта социальной архитектуры ситуацию принципиально не изменит. Социально-инженерную функцию в нем должны выполнить разработчики проектов, и сосредоточение основного внимания на них, скорее всего, вновь отвлечет проектантов от глубокой разработки социальной инженерии. Проектирование, несомненно, представляет собой один из видов социоинженерных практик и требует развития и поддержки. Но, во-первых, любой проект локализован по времени, пространству и ресурсам, а социально-инженерный процесс требует непрерывности и системности. Во-вторых, субъектами отдельных проектов могут быть практически любые люди, а социоинженерная деятельность требует профессиональной подготовки. Следовательно, возникает потребность в профессиональной подготовке таких специалистов, и она не может быть ограничена только изучением социологических дисциплин, дополняемым основами проектирования.

Таким образом, перспективы разработки и внедрения социальных технологий в настоящее время связаны с принятием решений за рамками социологической науки. Конвергентные процессы в обществе и задачи практического характера требуют институционализации системы социально-технологического и социоинженерного обеспечения развития общества. Предлагаемая сегодня идея социальной архитектуры в случае ее последовательной реализации может стать шагом в этом направлении, но при условии дополнения ее социологического содержания выводами и рекомендациями, полученными при исследовании гибридной реальности другими науками, и выхода на уровень практических социоинженерных практик. Содержательно социоинженерное образование предполагает развитие следующих компетенций: социальная диагностика и аналитика; социальное прогнозирование; моделирование социальных процессов; социальное экспериментирование; социальное проектирование; построение эффективных связей между участниками социально-преобразующей деятельности. Проектирование в данном случае — один из элементов подготовки специалиста.

Библиографический список

1. Данакин Н.С. Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления. Белгород, 1996.
2. Девятко И.Ф. Диагностическая процедура в социологии. Очерки истории и теории. М., 1993.
3. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород, 1993.
4. Зайцев А.К. Внедрение социальных технологий в практику управления. М., 1989.
5. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. М., 1999.
6. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.

7. Никредин Г.Д. Разработка и внедрение социальных технологий в производственном коллективе: дис. ... к.с.н. М., 1990.
8. Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993.
9. Рябцев А.А. Социальная архитектура в России: точки роста и перспективы. URL: https://www.solidarnost.org/netcat_files/userfiles2025/Alexandr_Ryabtsev_Ploschadka_VNEShNIY_AUDIT_Sessiya_1_GOSUDARSTVO_TEMA_SOTsIALNAYa_ARHITEKTURA_TRUD.pdf.
10. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.
11. Уржа О.А. Социальная инженерия как методология управленческой деятельности // Социологические исследования. 2017. № 10.
12. Харичев А.Д. Социальная архитектура: от запросов в настоящем к горизонтам будущего. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/sotsialnaya-arkhitektura-ot-zaprosov-v-nastoyashchem-k-gorizontam-budushchego>.
13. Щербина В.В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М., 2018.
14. Щербина В.В. Социальные технологии: история появления термина, трансформация содержания, современное состояние // Социологические исследования. 2014. № 7.
15. Яницкий О.Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223

EDN: QEKZOB

Social technologies in the sociological and “non-sociological” dimensions*

V.P. Babintsev

Belgorod State National Research University,
Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russia

(e-mail: babintsev@bsuedu.ru)

Abstract. The article explains the historical and logical connection between social technologies and the theory of social technologies: today simply acknowledging this connection is insufficient to understand the content and complexity of the relationships between these fields of social science and humanities. Digitalization processes in the hybrid environment necessitate the study of social technologies as a complexly structured set of algorithmically constructed, synchronized “physical”, social, and information-communication (digital) procedures and operations developed and used to optimize social processes. The author argues that the traditional perception of social technologies solely as a specialized field of social knowledge limits their application and transfer to the level of social engineering. However, developers of the idea of social architecture have not yet succeeded in overcoming shortcomings of the sociological analysis of social technologies.

Key words: sociology; social technology; social engineering; social architecture; digitalization; hybrid reality; convergent technologies

*© V.P. Babintsev, 2026

The article was submitted on 16.12.2025. The article was accepted on 30.01.2026.

For citation: Babintsev V.P. Social technologies in the sociological and “non-sociological” dimensions. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (1): 215–223. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-1-215-223> EDN: QEKZOB

References

1. Danakin N.S. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovi proektirovaniya tekhnologii sotsialnogo upravleniya* [Theoretical and Methodological Foundations for Designing Social Management Technologies]. Belgorod; 1996. (In Russ.).
2. Devyatko I.F. *Diagnosticheskaya protsedura v sotsiologii. Ocherki istorii i teorii* [Diagnostic Procedure in Sociology. Essays on History and Theory]. Moscow; 1993. (In Russ.).
3. Dyatchenko L.Ya. *Sotsialnye tekhnologii v upravlenii obshchestvennymi protsessami* [Social Technologies in the Management of Social Processes]. Belgorod; 1993. (In Russ.).
4. Zaitsev A.K. *Vnedrenie sotsialnykh tekhnologiy v praktiku upravleniya* [Introduction of Social Technologies into Management Practice]. Moscow; 1989. (In Russ.).
5. Ivanov V.N., Patrushev V.I. *Sotsialnye tekhnologii* [Social Technologies]. Moscow; 1999. (In Russ.).
6. Markov M. *Tekhnologiya i effektivnost sotsialnogo upravleniya* [Technology and Efficiency of Social Management]. Moscow; 1982. (In Russ.).
7. Nikredin G.D. *Razrabotka i vnedrenie sotsialnykh tekhnologiy v proizvodstvennom kollektive* [Development and Implementation of Social Technologies in the Production Team]. Moscow; 1990. (In Russ.).
8. Popper K. *Nishcheta istoritsizma* [The Poverty of Historicism]. Moscow; 1993. (In Russ.).
9. Ryabtsev A.A. *Sotsialnaya arkhitektura v Rossii: tochki rosta i perspektivy* [Social architecture in Russia: Growth points and perspectives]. URL: // https://www.solidarnost.org/netcat_files/userfiles2025/Alexandr_Ryabtsev_Ploschadka_VNESHNIY_AUDIT_Sessiya_1_GOSUDARSTVO_TEMA_SOTSIALNAYa_ARHITEKTURA_TRUD.pdf. (In Russ.).
10. Stefanov N. *Obshchestvennye nauki i sotsialnaya tekhnologiya* [Social Sciences and Social Technology]. Moscow; 1976. (In Russ.).
11. Urzha O.A. *Sotsialnaya inzheneriya kak metodologiya upravlencheskoy deyatel'nosti* [Social engineering as a methodology of managerial activity]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 10. (In Russ.).
12. Kharichev A.D. *Sotsialnaya arkhitektura: ot zaprosov v nastoyashchem k gorizontam budushchego* [Social architecture: From present demands to future horizons]. URL: <https://strategy24.ru/rf/news/sotsialnaya-arkhitektura-ot-zaprosov-v-nastoyashchem-k-gorizontam-budushchego>. (In Russ.).
13. Shcherbina V.V. *Ratsionaliziruyushchie diagnosticheskie upravlencheskie sotsialnye tekhnologii* [Rationalizing Diagnostic Management Social Technologies]. Moscow; 2018. (In Russ.).
14. Shcherbina V.V. *Sotsialnye tekhnologii: istoriya poyavleniya termina, transformatsiya sodержaniya, sovremennoe sostoyanie* [Social technologies: History of the term, transformation of content, current state]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2014; 7. (In Russ.).
15. Yanitsky O.N. *K probleme modernizatsii gumanitarnogo znaniya* [On the modernization of humanitarian knowledge]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2018; 6 (1). (In Russ.).